

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Евгений

ЕВСТИГНЕЕВ: МИР
ПРЕКРАСЕН,
ИСКУССТВО
ВЕЧНО

С НАРОДНЫМ артистом РСФСР Евгением Александровичем Евстигнеевым я встретила рано утром в тесной артистической уборной старого МХАТа, образовалось небольшое «окно» в репетиции, и состоялась наша беседа.

— Евгений Александрович, мне бы хотелось начать разговор с телефильма «Семнадцать мгновений весны». Не так давно ЦТ показало его еще раз. Вы создали там образ антифашиста, прошедшего сквозь ад концентрационного лагеря. Актерские находки этой роли, по мнению многих, поразительны — его мимика, его походка... Как вы пришли к своему профессору Плейшнеру?

— Характер был заложен в книге Юлиана Семенова. Плейшнер — сугубо гражданский человек, целиком ушедший в науку. Он может снять галоши, идя на улицу, и надеть их, войдя в дом. Рассеянный и сосредоточенный на больших мыслях. Ему абсолютно чужда и противопоказана война. Да и кому она «показана»? У меня была задача — передать абсурдность войны, создающую борца. Внешний облик профессора Плейшнера я искал в его внутреннем мире. Диаграмма роли имела кульминацию в конце. Зритель должен был предчувствовать трагическую судьбу профессора, когда в тисках фашистской агентуры Плейшнер кончает жизнь самоубийством для того, чтобы жили другие люди. Но, зная заранее трагический конец профессора, я не хотел играть обреченность. Нужно было найти какое-то отклонение в облике — нелепость, чудаковатость, — для того чтобы героика смерти сильнее контрастировала со всей жизнью Плейшнера. Этот нелепый, внутренне нежный, беззащитный, неустранный человек «не от мира сего» оказывается личностью, достойной подражания.

А походка Плейшнера... Как она возникла, я и сам не знаю. Вероятно, здесь сработало подсознание. Я думал об образе в целом. Сама судьба Плейшнера родила эту походку, выражавшую его беспомощность, наивный оптимизм, доверие — все, что контрастировало с его трагическим концом. Когда именно это пришло — ночью, днем, зимой в троллейбусе или летом в кафе, — не знаю. Тут пошли дела семейные, как го-

ворил Городничий — Евстигнеев смеется.

— Евгений Александрович, если вспомнить ваши военные годы...

— Мне не пришлось воевать. Я был на трудовом фронте, работал слесарем на горьковском предприятии «Красная Этна». А в 1947 году я поступил в театральный институт.

Моя биография, как и биографии моих сверстников, ушедших на фронт, связана с разгромом фашизма. Годы войны определили всю мою жизнь.

— Какой фильм о войне произвел на вас наибольшее впечатление?

— Трудно сказать... Фильмов о войне много, а я хожу в кино, как ни странно, редко. Даже на свои фильмы попадаю не всегда... А когда-то «Повиг разведчика» произвел на меня большое впечатление. Я любил этот фильм...

— А какую из своих «военных» ролей вы находите лучшей?

— В фильме «Верность» режиссера Тодоровского я сыграл капитана...

(Внезапно в наш разговор врывается из транслятора со сцены пронзительный рев мчащегося состава, рев сирены. Евстигнеев поднимает руку, прислушивается. На сцене МХАТа идет репетиция...) — Евгений Александрович, что репетируют сейчас?

— Вы слышали поезд. Сейчас идет репетиция пьесы Рошина «Эшелон». Я и там играю немца-антифашиста, доктора Это «русский немец», воспитанный Советской властью, родившийся и выросший в нашей

стране. Его предки поселились в России еще при Петре I — в Лефортовской слободе.

— Доктор, немец-антифашист... Здесь есть для вас какая-нибудь связь с профессором Плейшнером?

— Вы знаете, я об этом думал. И мне кажется, что такая связь намечается. Если будет похоже — ничего страшного. Речь идет об одном и том же типе человека. Эти роли будут дополнять друг друга...

— Какая поэзия вам близка? Какая драматургия?

— Знаете, я люблю стихи... слушать. Тогда я их воспринимаю, тогда они меня волнуют. Это могут быть совершенно разные стихи, так же как и проза. Читаю я, наверно, как и всякий человек, в зависимости от своего внутреннего настроения. И серьезные книги, и книги, «чтоб отвлечься». А любимых драматургов у меня не так уж много — Володин, Розов, с которым мы сотрудничали двадцать лет, Вампилов.

— Евгений Александрович, что такое, по-вашему, «театр единомышленников»?

— Когда-то я думал, что это театр поколения, где все близки и равны — и морально, и материально, и мировоззренчески, и возрастно. Но этого, наверно, мало. Это театр с определенной позитивной программой, соединение таланта с энтузиазмом. Актеры такого театра в совершенстве владеют методикой актерского мастерства и остро чувствуют время, в котором живут. Без гражданского чувства, гражданского восприятия жизни это не театр, а только лаборатория, создающая образы.

— Евгений Александрович, вот уже прошло несколько лет, как вы поменяли сцену «Современника» на МХАТ. Что вы можете сказать о МХАТе, о старом своем товарище режиссере Олеге Ефремове?

— МХАТ — это «альма-матер» для нас обоих. Школа МХАТа выпустила нас в жизнь, и спустя годы мы снова вернулись к ней. Я пошел за Ефремовым во МХАТ, потому что не мог иначе. Это мой режиссер, работа с которым приносит наибольшее творческое удовлетворение. Хотя я и работал со многими художниками, которых могу считать своими единомышленниками, но без работы с Ефремовым я уже не мыслю для себя актерского творчества. Это прочная связь на всю жизнь.

— А как вы относитесь к своим так называемым отрицательным ролям?

— Создавая разные характеры, ощущаешь, что твоя «палитра» расширяется, становится богаче, глубже. С годами к актеру приходит такое ощущение, что всякий творимый им образ в конечном итоге — повод для раскрытия твоего внутреннего мира, твоей личности, твоего умения наблюдать, чувствовать время и человека.

— Да, наверно, каждому актеру «неуютно» в одном, на всю жизнь определенном амплуа...

— Да, да. Мне бы не хотелось быть актером, который сыграл одну роль, дал повод публике как бы замкнуть круг ее представлений о нем. Хочется жить и работать широко, полнокровно. Мир прекрасен, искусство вечно.

Беседу вела
Н. ГАЛИЧА